Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXII

Ростов
2017

Договор Святослава 971 г. – первый русский княжеский акт

С. М. Каштанов

Договор 971 г. – последний из трех русско-византийских договоров X в., текст которых приводится в русских летописях, дошедших в списках XIV–XVIII вв. Договоры 911 и 944 гг. были написаны от лица русских послов, но не от лица князя, которого они представляли. Интитуляция этих актов – посольская: «Мы, от рода Рускаго, Карлы, Иньгелд... Стемид, иже посланы от Олга...» (911); «Мы, от рода Рускаго, съльı и гостье...» (944). Сомнительный во всех отношениях договор 907 г. интитуляции в строгом смысле слова не имеет и может восприниматься в лучшем случае как пересказ текста, а не как текст договора. Имена русских послов упоминаются здесь в винительном, а не в именительном падеже, вступительная же часть интитуляции, имеющаяся в тексте договоров 911 и 944 гг. («Мы, от рода Рускаго»), в договоре 907 г. вообще отсутствует.

В отличие от договоров, заключенных послами Олега и Игоря, договор Святослава был написан от лица самого князя. В нем впервые употреблена собственно княжеская интитуляция: «Аз, Святослав, князь Рускии». По своему характеру договор Святослава также сильно отличается от договоров 911 и 944 гг. Это пакт о ненападении, договоры же Олега и Игоря – торговые соглашения. В договорах 911 и 944 гг. фиксируются нормы международного частного права, в договоре 971 г. закрепляется военный союз двух держав.

Общим для всех этих актов моментом является их принадлежность к одному и тому же – а именно договорному – виду. Но если в договорах 911 и 944 гг. обязательства дают как Русь, так и Византия, то в договоре 971 г. обязательства дает только Русь. В этом договоре нет ни одного постановления, обязывающего к чему-либо Византию. Итак, перед нами два подвида документов договорного вида: двусторонний и односторонний.

Двусторонний подвид представлен двумя разновидностями. Первая разновидность – договор, заключенный в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов в другой стране. Вторая разновидность – договор, заключенный в Константинополе после предварительных переговоров византийских послов в другой стране. По схеме первой разновидности был составлен и заключен договор 911 г., по схеме второй разновидности был оформлен договор 944 г. Характерные особенности первой разновидности – диспозитивные статьи текста сформулированы от лица русских, обмен экземплярами в Константинополе завершает

© Каштанов С.М., 2017

всю процедуру. Специфика второй разновидности состоит в том, что диспозитивные статьи текста формулируются преимущественно от лица греков, а обмен экземплярами в Константинополе не завершает процедуру. Требуется еще, чтобы византийские послы отправились вместе с русскими в Киев для принятия присяги князя на верность договору. Только после этого русский экземпляр возвращается (вместе с византийскими послами) в Константинополь, а экземпляр византийской стороны остается в Киеве.

Односторонний подвид представлен у нас лишь одной разновидностью, о которой мы можем судить по договору 971 г. Это, однако, не значит, что данный подвид нигде и никогда не имел других разновидностей. Обращаясь к венецианским пактам X в., фиксировавшим обязательства Венеции по отношению к Византии, мы находим сразу две разновидности договоров одностороннего подвида. Одна из них построена как документ, идущий непосредственно от лица главы республики – дожа. Другая представляет собой обращение венецианских подданных к дожу с просьбой обеспечить выполнение требований Византии. Примером документа первой разновидности может служить венецианский декрет 960 г. о запрещении продавать мусульманам в рабство пленных христиан. Вторую разновидность представляет венецианский декрет 971 г., запрещающий продавать в мусульманские страны корабли, лодки, древесину и изделия из дерева. По хронологии этот декрет совпадает с договором Святослава. Оба акта датируются июлем 971 г. Весьма близки они и по тексту вступительной и заключительной частей.

Сходство начинается со слов «и ко Иоану» в договоре Святослава и «imperante domino Joanne» в венецианском декрете 971 г. Назовем эту часть текста хронологической статьей. В декрете 971 г. она занимает второе место, находясь между инвокацией и наррацией. Такая же структура текста в декрете 960 г. В договоре Святослава хронологической статье предшествует заголовок, занимающий первое место в тексте. После хронологической статьи идет интитуляция. Наррации нет. В венецианских декретах хронологическая статья выполняет роль конечного протокола, указывающего время и место составления документа.

Мы привыкли думать о конечном протоколе как о заключительной части акта, а тут он дается в начале текста, как в какой-нибудь летописной статье. Однако это перенесение конечного протокола из конца в начало текста имело глубокий смысл. Оно было обусловлено вассальной зависимостью Венеции от Византии. Поскольку датировка документа производилась по году царствования византийского императора, его имя надо было упомянуть в самом начале. Раньше него упоминался только Бог, имя которого фигурировало в инвокации: «In nomine dei et salvatoris nostri Jesu Christi».

В текст договора Святослава инвокация не входила, по-видимому, изначально, поскольку ни сам князь, ни его люди не были христианами. Вместе с тем хронологическая статья была построена явно по венециан-

скому образцу, что видно из соответствия ее структуры и элементов текста аналогичной статье венецианских декретов 960 и 971 гг. Правда, в русском переводе можно заметить и ряд отступлений от латинского эталона. Во-первых, была искажена функция статьи. Из хронологической она превратилась в адресную (inscriptio): «и ко Иоану». Переводчик не понял значения абсолютного причастного оборота, отвечающего на вопрос «когда». Он свел его к вопросу «кому». Оборот «imperante domino Joanne, magno imperatore» означает: «Когда царствовал владыка Иоанн, великий император». Можно перевести это выражение и при помощи существительного «царствование» с предлогом «в»: «в царствование владыки Иоанна».

Если по-латыни абсолютный причастный оборот образуется причастием настоящего времени в творительном падеже, то в греческом вместо творительного падежа употребляется родительный, а в русском – дательный (т.н. «дательный самостоятельный»). Между прочим, намек на его следы присутствует в форме «ко Иоану». Первоначально в русском переводе могло быть: «царствующу Иоану». Однако ни в одной летописи такой формы перевода мы не находим.

На каком языке писался оригинал договора Святослава? По сходству его формуляра с венецианским можно допустить, что договор Святослава писался по-латыни. Впрочем, из заголовка договора 971 г. известно, что его редактором был синкель Феофил, приближенный константинопольского патриарха. Под руководством Феофила договор мог быть написан как по-латыни, так и по-гречески. В любом случае до Руси он дошел в греческом переводе. Согласно нашей гипотезе, летописные тексты всех трех русско-византийских договоров X в. (911, 944, 971 гг.) восходят к греческому копийному сборнику второй половины XI – начала XII в. (*Каштанов С. М.* Исследования. С. 29–36, 55)

Придав хронологической статье договора 971 г. адресный характер, переводчик перенес указание на Дерестр (Δρίστρα: Доростол, Силистрия) из конца статьи в середину и поставил его после имени императора. Таким образом, Дерестр превратился из места пребывания Святослава в место пребывания Иоанна Цимисхия, что исказило подлинную картину расстановки сил.

В русском переводе договора Святослава император Иоанн упоминается с прозвищем «Цемьскии», что в переводе с армянского означает «Башмак», «Туфелька» – ծամդայ [тсамкай][1]. В греческой речи и письме это слово озвучивалось обычно как «Цимисхий» (Τσιμισκής). Иоанн Цимисхий, армянин по происхождению, получил армянское прозвище «Туфелька» за свой маленький рост, не соответствовавший ни его физической силе, ни высокому сану. По аналогии вспоминается прозвище «Жилка» (= Жеребенок), которым собратья по оружию наградили удельного князя Дмитрия Ивановича Угличского, третьего сына Ивана III от Софьи

[1] См.: Армяно-русский словарь / сост. А. С. Гарибян, Е. Г. Тер-Минасян, М. А. Геворгян. Ереван, 1960. С. 199.

Палеолог, младшего брата Василия III.

В русском тексте договора Святослава прозвище Иоанна («Цемьскии») было транскрибировано ближе к армянскому звучанию («Тсамкай»), чем к греческому («Τσιμισκής»). Это позволяет предположить, что летописец заимствовал его не из источника, написанного по-гречески. То, что данного прозвища не было в оригинале договора, мне кажется очевидным. В X в. прозвища византийских императоров в официальные документы не вносились. Показательно, что в венецианском декрете 971 г., написанном одновременно с договором Святослава, Иоанн фигурирует без прозвища «Цимисхий».

Во второй половине XI в., в эпоху императоров Никифора III Вотаниата и Алексея I Комнина, положение изменилось, и тогда было возможно упоминание в акте, особенно в императорской подписи на нем, наряду с именем, также и прозвища василевса. Полагая, что русско-византийские договоры X в., попавшие в русском переводе в наши летописи, восходят не к оригиналам, а к спискам в составе греческого внеканцелярского картулярия второй половины XI – начала XII в., мы не исключаем вероятности того, что в это время создатель копии мог добавить к имени императора еще и его общеизвестное прозвище. В равной мере нельзя считать невозможным, что первым это добавление сделал не византийский копиист, а русский переводчик или летописец.

Из собственно хронологических элементов протокольной статьи договора 971 г. в переводе сохранились номер индикта (14) и название месяца (июль). В оригинале, правда, номер индикта должен был обозначаться не буквенной цифирью, а порядковым числительным, как это сделано в венецианском декрете 971 г. («indictione decima quarta»). Замена порядкового числительного буквенной цифирью могла быть произведена уже в копии второй половины XI – начала XII в. Замена же обозначения года царствования («anno autem imperii eius secundo») на дату от Сотворения Мира (6479) произошла, думается, под пером русского летописца начала XII в.

В Ипатьевской летописи слова «в лето 6479» зачеркнуты, что может свидетельствовать о чьей-то (летописца?) попытке сверить летописный текст с греческим копийным сборником. Зачеркивание говорит еще и о том, что такой даты в греческом картулярии не оказалось.

Переделка начальной хронологической статьи договора 971 г. в адресную имела отрицательные последствия не только для последующего толкования памятника, но и для его издания. Пресловутая статья была воспринята как логическое продолжение предшествующего текста, а им являлся более поздний по сравнению с оригиналом заголовок: «Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемь князи Рустемь, и при Свеналъде, писано при Феофиле, синкеле». Этот заголовок возник при копировании русско-византийских договоров X в. в некий картулярий второй половины XI – начала XII в. Аналогичные заголовки получили копии договоров, заключенных с Византией посольствами Олега и Игоря.

Заголовок договора 911 г. гласил: «Равно другаго свещания, бывшаго при тех же цесарих Лва и Александра». В заголовке договора 944 г. читаем: «Равно другаго свещанья, бывшаго при цесари Романе и Костянтине и Стефане, христолюбивых владык».

Совпадение первых пяти слов во всех трех договорах («Равно другаго свещанья, бывшаго при») свидетельствует, во-первых, о том, что все воспроизведенные копии происходят из одного и того же картулярия, в котором последовательно применялся один и тот же формуляр заголовков. Во-вторых, это единообразие позволяет думать, что в границах данного «пятисловия» греческий текст не разбавлялся никакими смысловыми вставками русского копииста и звучал примерно так: «Τὸ ἴσον τοῦ ἑτέρου συμφώνου γεγονότος παρὰ τοῦ…» = «Список с другого соглашения, заключенного при...». Под «другим» здесь подразумевается «следующий» в значении «следующий по порядку», «следующий по местоположению».

В двух случаях я подозреваю вмешательство в текст заголовка русского переводчика или летописца. Это выражение «при тех же» в заголовке договора 911 г. и «велицемь» в заголовке договора 971 г. Вставка слов «при тех же» служила намеком на «договор» 907 г. и переговоры Олега с византийскими императорами Львом VI Мудрым (886–912) и Александром (912–913). О «Леоне и Александре» речь идет в летописной статье 6415 (907) г. Если бы слова «при тех же» принадлежали не русскому летописцу, а греку – составителю картулярия, их можно было бы расценить как указание на то, что договору 911 г. в сборнике предшествовал «другой» договор Льва и Александра. А какой «другой» договор мог иметься в виду? Ну, конечно, договор 907 г.! Однако вот беда: сам он лишен заголовка. Поэтому нельзя доказать, что его текст происходит из того же копийного сборника, откуда вышли договоры 911, 944 и 971 гг. Остается согласиться с мнением А. А. Шахматова, что т. н. договор 907 г. – продукт творчества летописца, а его источники – договоры 911 и 944 гг.

В заголовке договора 971 г. Святослав назван великим князем, хотя ниже, в основном тексте этого документа, он титулуется просто князем. Сомнительно, чтобы составитель греческого картулярия по собственной инициативе увеличил ранг Святослава. Скорее это добавление появилось под пером патриота-летописца.

Заметим, что все три заголовка договоров X в. ограничиваются указанием только одной договаривающейся стороны. Первые два договора атрибутируются византийской стороне, третий – русской. Для двусторонних договоров 911 и 944 гг. имена императоров, участвовавших в заключении соглашения, были главным определяющим признаком. В договоре 971 г. имена императоров тоже фигурировали, но весь текст представлял собой одностороннюю фиксацию обязательств Святослава, что делало его юридическим автором документа. Отсюда – атрибуция договора Святославу и Свенельду.

При издании договора Святослава необходимо, вопреки

существующей археографической практике (см., в частности, ПРП. I. С. 58–59; TAR. P. 121), отделить заголовок от хронологической статьи, с которой начинается собственно текст акта.

[Заголовок]

Русский текст (ПРП. I. С. 58–59)	Греческий текст (реконструкция)
Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемь князи Рустемь, и при Свеналъде, писано при Феофиле, синкеле	Τὸ ἴσον τοῦ ἑτέρου συμφώνου γεγονότος παρὰ τοῦ Σφενδοσθλάβου μεγάλου αρχόντος Ῥωσίας καὶ παρὰ τοῦ Σφεναίλδου, εγγράφου παρὰ τοῦ Θεοφίλω συγκέλλου.

Далее следует отступить на одну строку, а затем с нового абзаца публиковать текст договора. Сравним редакции хронологической статьи в договоре Святослава и венецианском декрете 971 г.

[Начало текста: хронологическая статья]

Договор Святослава (ПРП. I. С. 59)	Венец. декрет 971 г. (FRA. S. 26)
И ко Иоану, нарицаемому Цемьскию, цесарю Гречьскому, в Дерестре, месяца июля, индикта 14, в лето 6479	Imperante domino Joanne, magno imperatore, anno autem imperii eius secundo, mense iulio, indictione decima quarta Rivoalto.

После хронологической статьи в договоре идет интитуляция, в которой различаются три части: 1) местоименно-личная («Аз»); 2) именная («Святослав»); 3) титульная, куда входят две характеристики: а) ранговая («князь») и б) географическая («Рускии»). Близкая по составу элементов интитуляция имеется в удостоверительной части декрета 960 г., где приводится подпись дожа: «Ego Petrus dux».

Сопоставим эти интитуляции по элементам.

Год	971	960
Субъект права	Святослав I Игоревич	Pietro Candiano IV
*м**	Аз	Ego
*и**	Святослав	Petrus
*тр**	князь	dux
*тг**	Рускии	

* Условные обозначения частей интитуляции: *м* – местоименно-именная часть; *и* – именная часть; *тр* – ранговая часть титула; *тг* – географическая часть титула.

По составу и характеру элементов интитуляция Святослава и подпись Пьетро Кандиано IV почти полностью совпадают. Обе содержат местоименную часть, которая в это время не употреблялась в королевских и императорских интитуляциях, но использовалась в интитуляциях герцогских и княжеских. Именная часть в обеих надписях ограничивается именем собственным (prénom). Ранговая часть укладывается в одно слово. В интитуляции Святослава она дополнена географическим элементом, чего нет в подписи дожа.

В Святославовой грамоте вслед за интитуляцией идет заявление князя о желании иметь мир с греками: «Яко же кляхъся, и утвержаю на свещанье семь роту свою: хочю имети мир и свершену любовь со всяким и великимь цесарем Гречьским [и] с Васильем и Костянтином, и с богодохновеными цесари, и со всеми людьми Вашими, иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца века». По своему характеру эта статья является по преимуществу преамбулой, декларирующей благие намерения субъекта интитуляции. Но есть в ней и элемент подтвердительной санкции (clause réservative). В цитированном тексте недоумение вызывает выражение «со всяким». Мы высказывали предположение, не стоит ли за ним нотификационная формула объявления «всем и всякому» о заключении мира (*Каштанов С. М.* Исследования. С. 57). Однако прав был А. А. Шахматов, предложивший вместо чтения «со всяким и» логически более подходящее чтение: «с вами, Иоаном». Действительно, было бы странно, если бы, упомянув двух соправителей Иоанна Цимисхия – Василия и Константина, Святослав забыл назвать имя своего главного контрагента.

Обращение к тексту венецианского декрета 971 г. полностью подтверждает правильность предложенной Шахматовым конъектуры, ибо тут сразу после протокольно-хронологической статьи помещается сообщение о приезде в Венецию византийских послов, присланных тремя императорами: «Cum denique per hanc praedictam indictionem imperiales missi ab Joanne, Varsillo et Constantino, sanctissimis imperatoribus, ad nos fuissent directi...». В договоре Святослава и венецианском декрете 971 г. совпадают не только состав и порядок перечисления императоров (Иоанн на первом месте, Василий – на втором, Константин – на третьем), но и эпитеты, которые к ним прилагаются после перечисления их имен: «богодохновеными цесари» в грамоте Святослава, «sanctissimis imperatoribus» в венецианском декрете. В этом нет ничего удивительного: документы писались в одно и то же время и, видимо, базировались на общем для таких актов образцовом формуляре.

В преамбуле формулируется цель составления документа. Воля субъекта интитуляции выражается тут глаголами настоящего времени действительного залога в 1-м лице единственного числа: «утвержаю», «хочю». О состоявшейся до того клятве, послужившей толчком к переходу от устной договоренности к письменному ее оформлению, свидетельствует слово «кляхъся» – глагол того же наклонения, залога, числа и лица, но другого времени – аориста (ὤμοσα, juravi).

После преамбулы в договоре Святослава формулируются его конкретные обещания в отношении Византии. Это диспозиция, состоящая из двух статей. Первая из них – о ненападении, вторая – о военной помощи. В первой статье конкретизируется, во-первых, состав вооруженных сил, от применения которых Святослав отказывается, во-вторых, состав территорий, на которые не должна была распространяться его агрессия. Что касается вооруженных сил, то тут различаются «собственное» войско

Святослава («ни сбираю вои») и войско иноплеменников, приглашаемое или нанимаемое для участия в каком-либо походе («ни языка иного приведу»). Больше нюансов можно заметить в характеристике территорий. Среди них различаются 1) метрополия – собственно Византийская империя («страну Вашю»); 2) подвластные Византии земли («и елико есть под властью Гречьскою»); 3) Корсунская волость (Херсонес Таврический) «и елико есть городов их»; 4) страна Болгарская.

Статья о военной помощи Святослава Византии в случае, если кто-либо совершит нападение на нее, не содержит намека на то, какой именно враг имелся в виду. Однако из венецианских декретов 960 и 971 гг. видно, что в числе противников «второго Рима» были «сарацины». Так, декрет 971 г., составленный в том же месяце, что и договор Святослава, обязывал Венецию не способствовать расширению и укреплению сарацинского флота (запрет продажи мусульманам кораблей, лодок и древесины).

Обязательства, которые берет на себя Святослав, формулируются в договоре с помощью глаголов в изъявительном наклонении, действительном залоге, в 1-м лице единственного числа, но не в настоящем, как в преамбуле, а в будущем времени. В статье о ненападении эти глаголы предваряются отрицательными частицами «ни», «николи» («николи же помышлю», «ни сбираю вои», «ни...приведу»), в статье о помощи глаголы приводятся в положительной форме («буду противен», «борюся с ним»).

Диспозиция отличается большей свободой формулировок, чем другие части акта, поскольку здесь на первом месте конкретные условия сделки, требующие упоминания имен, названий, специфических условий программы действий. Диспозиция следует скорее духу, чем букве общепринятых шаблонов.

Обратимся для сравнения к тексту мирного трактата, заключенного в 933 г. между Венецией и Юстинополем (Каподистрия, Копер). Венеция и Юстинополь расположены vis-à-vis на западном (Венеция) и восточном (Юстинополь) берегах Венецианского залива Адриатического моря. Кратчайшее расстояние между ними – 108 км по воде залива. В 30 км к северо-западу от Юстинополя и в 84 км к северо-востоку от Венеции лежит небольшой остров с находящимся на нем городом Градо. Здесь располагалась знаменитая патриархия Градо, принадлежавшая Венеции. Кстати, договор 933 г. касался как раз урегулирования конфликтов между Истрией и патриархатом Градо.

По формуляру юстинопольские акты очень близки к венецианским. И те, и другие начинаются с инвокации, которая в юстинопольских документах отличается большей краткостью. Хронологическая статья в юстинопольских актах имеет ту же структуру, что и в венецианских: в ней указываются сначала дата, затем место составления. Основным элементом даты и тут, и там является номер года царствования монарха-сюзерена: в венецианских декретах – византийского императора, в юстинопольских – короля Италии (в первой половине X в.) или императора Священной

Римской империи Германской нации (во второй половине X в.). Место создания документа (Юстинополь или Риальто) упоминается в конце хронологической статьи. Далее идут интитуляция, преамбула-наррация и диспозиция. В интитуляции фигурировал глава юстинопольской администрации, имевший титул маркиза. На иерархической лестнице рангов он стоял на ступеньку ниже дожа Венеции – герцога (dux).

В диспозиции договора 933 г. употребляется несколько раз подряд глагол «promittimus» (обещаем, обязуемся), стоящий в настоящем времени в первом лице множественного числа. В договоре Святослава глаголы, управляющие обязательственными статьями, более разнообразны и стоят в будущем времени в единственном числе.

Некоторые статьи диспозиции в договоре 933 г. предваряются соединительным словом или оборотом типа «itemque», «iterumque» (также, также и), «simili modo» (подобным образом), «super hec» (сверх того). В договоре Святослава одна статья диспозиции начинается со слова «яко», вторая – со слова «да», которое, впрочем, встречается не во всех летописях. Можно ли считать эти черты лексики договора 971 г. результатом влияния формуляра договора 933 г. или ему подобного? Едва ли. Во всяком случае, представляется, что такое влияние, если оно и было, не было определяющим. Статьи диспозиции для договора 971 г. писались заново.

После диспозиции в договоре Святослава помещена санкция, которая состоит из двух статей: подтверждающей (clause réservative) и угрожающей (clause comminatoire). Подтверждающая клаузула гарантирует выполнение русскими взятых на себя обязательств: «Яко же кляхъся ко цесарем Гречьским, и со мною боляре и Русь вся, да схраним правая съвещанья». Аналогичная статья имелась в юстинопольском пакте 933 г.: «Hec inviolabiliter observare promittimus nos cum nostris successoribus et proheredibus» ([Все] это мы вместе с нашими наследниками и потомками обязуемся сохранять нерушимо).

Угрожающая клаузула была более развернутой. В ней нарушителям обещались кара небесная (*poena spiritualis*) и земная (*poena temporalis*): «Аще ли от тех самех прежереченых не съхраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, в него же веруем, в Перуна, и в Волоса, скотья бога, и да будем золоти, яко золото, и своим оружьемъ да исечены будем».

Кары небесные состояли в проклятье («клятве»), которое посылал бог («от бога, в него же веруем»). Венециано-юстинопольские акты, естественно, не содержат упоминаний имен языческих богов, но Божья кара для христиан-нарушителей там предусматривалась. В пакте 933 г. юстинопольцы заявляли, что в случае нарушения ими договора они сами навлекут на себя проклятье Бога и его святых: «incurramus in ira omnipotentis dei et sanctorum eius...». В венецианском декрете 960 г. нарушителю грозили анафемой, отлучением от церкви и адским огнем: «... erit anathematizatus et alienus a corpore et sanguine domini, et ab ingressu ecclesie separatus; nec non et cum impiissimo Juda, traditore domini nostri Jesu Christi, in eternum

incendium concremari, et suum nunquam sit meritus adimplere uoluntatem».

В венецианском декрете 971 г. *poena spiritualis* не упоминается. Это говорит о том, что при составлении договора Святослава формуляр типа венецианского 971 г. не был единственным источником, по образцу которого мог составляться русско-византийский трактат. Тем не менее, *poena spiritualis* грамоты Святослава можно считать характерной репликой венециано-юстинопольских актов. Оригинальным моментом было только упоминание языческих богов славян. Интересно, что по сравнению с договором Игоря 944 г. пантеон языческих богов здесь расширен: наряду с Перуном упомянут еще и Волос, «скотий бог», что отражает увеличение роли скотоводства в хозяйстве бояр того времени.

В *poena temporalis* грамоты Святослава присутствуют: 1) некое наказание золотом, суть которого неясна; 2) смерть от собственного оружия.

Выражение «будем золоти, яко золото» толковалось в литературе как перспектива болезни типа желтой лихорадки. Следует, однако, иметь в виду, что в Лаврентьевском списке Лаврентьевской летописи – древнейшем из всех – угроза сформулирована иначе: «будем колоти, яко золото». Что имелось в виду в данном случае? Прокалывание золота – занятие бессмысленное, зато прокаливание его на огне – известный технологический процесс. Глагол «калити» в этом значении встречается в памятниках XVII в., а оборот «водою калитися» употребляется в статье 1389 г. Новгородской IV летописи при описании процедуры закалки железа. В списке XV в. Творений Григория Назианзина (XI в.) говорится: «Донъждеже горить железо, стоуденом да ся калить»[2].

Следовательно, выражение «будем колоти» является, скорее всего, искаженным вариантом чтения: «будем калены». Но почему сравнение делается с закалкой золота, а не железа? Ответ на этот вопрос мы находим в тексте венецианских декретов 960 и 971 гг. В первом из них штраф устанавливается в размере 5 фунтов чистого золота («auro obrizo quinque libras»), во втором – в размере 100 фунтов чистого золота («auri obrizi libras centum»)[3].

Aurum obryzum – прокаленное, очищенное золото. Термин «obriza» означал купелирование, очищение золота огнем. В классической латыни этот термин употреблялся в форме «obrussa» (встречается у Цицерона, Светония, Плиния). Полагают, что греческий вариант данного термина – «ὀβρυζα» – возник из латинского «obrussa»[4]. Согласно греческому автору Агатархидесу, технология купелирования золота состояла в следующем: известное количество золотой руды, смешанной в определенных пропорциях со свинцом, солью, оловом и ячменными отрубями, помещалось в глиняный сосуд («купель»), который закупоривался герметически и ста-

[2] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. С. 1183; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 37.

[3] FRA. P. 21, 27–28.

[4] *Benveniste E.* Le terme obryza. P. 123.

вился в печь для прокаливания на огне в течение пяти дней и пяти ночей без перерыва. Вероятно, в результате купелирования золото приобретало темно-желтый, или рыжий, цвет. Во всяком случае, в юстинопольском пакте 933 г. штраф устанавливается в размере 100 фунтов «рыжего золота» (auro fulvo libras centum). «Aurum fulvum» есть, вероятно, то же самое, что и «aurum obrizum».

Я уверен, что в оригинале договора Святослава золото фигурировало в том же контексте, что и в венецианских и юстинопольских актах, обозначая средство платежа штрафа. В копии второй половины XI – начала XII в., скорее всего, сохранялась редакция оригинала.

Чудесное превращение золота из средства платежа в мистическое олицетворение способа наказания преступника произошло, вероятно, в процессе или вскоре после перевода документа на русский язык. Кажется, кого-то очень смутила сумма штрафа, которая повисла бы над киевским князем, объяви его греки нарушителем договора. Ведь срок действия в договоре не был установлен, и он сохранял известную актуальность, появившись на Руси в начале XII в. в русском переводе. Эту опасность надо было устранить, и вот золото совершает свою метаморфозу. Туман навели, но нить связи с прошлым значением золота частично сохранилась. Этот обрывок связи заключался в слове «колоти» (искаженном «калены»), которое показывает, что в оригинале упоминалось именно «aurum obrizum», т.е. терминология источника соответствовала лексике того времени, когда создавался договор Святослава.

Думаем, что на переделку текста мог повлиять правивший в Киеве в 1093–1113 гг. князь Святополк II Изяславич, крупный специалист по денежным вопросам, практиковавший раздачу ссуд из княжеской казны под большие проценты. Поскольку греческий картулярий с текстами договоров появился на Руси не раньше 1104 г. (приезд митрополита Никифора I), наиболее вероятным временем перевода этого сборника на русский язык надо считать 1104–1113 гг.

Во втором пункте угрожающей санкции договора 971 г. нарушитель приговаривается к смерти от собственного оружия. Этот пункт плохо согласован с первым – болезнью или смертью от прокалывания или от желтой лихорадки. Тут получается то ли тавтология, то ли противоречие в выборе наказания. Переводчик не сумел установить логическую связь между двумя пунктами, хотя в греческом оригинале она была. В венецианском декрете 960 г. вслед за объявлением штрафа в размере 5 фунтов золота говорится: «et qui non habuerit, que componat, amittat vitam aut membra; et omnia sua in publicum redigantur» (тот, кому нечем заплатить, теряет жизнь или члены, а все его имущество поступает в казну). В декрете 971 г. речь идет только о смертной казни (членовредительство не упоминается): «et si eas componendum non habuerit, capitalem subire debeat sententiam» (и тот, кто их [100 фунтов] для уплаты не имеет, должен быть приговорен к смертной казни).

В русском переводе смертная казнь предстает как наказание своим же оружием, а не как публичная казнь, осуществляемая палачом. Смерть, причиненная «своим оружьем», упоминается как способ наказания клятвопреступника также в договоре 944 г. Венецианский декрет 971 г. предоставлял право взять штраф с нарушителя или казнить его не императору, а дожу. В договоре Святослава под наказанием «своим оружием» подразумевалось право князя принудить нарушителя покончить жизнь самоубийством. В плане контроля за действиями Святослава эта статья была ничем иным, как официальным разрешением «пустить щуку в воду».

Заключительная статья договора 971 г.– корроборация, говорящая об удостоверении акта. Приведем ее, разделив на четыре части, каждая из которых нуждается в комментировании: (1) «Се же имеите во истину» (2) «яко же [пинехросу] сотворихом ныне к вам», (3) «[и] написахом на харатьи сеи», (4) «и своими печатьми запечатахом».

Первая часть этого предложения не находит буквального соответствия в венециано-юстинопольских актах, но вместе со второй частью они образуют оборот, близкий по смыслу к формуле аутентичности и нерушимости документа, которую мы находим в юстинопольском пакте 933 г. («Et haec promissionis carta maneat in sua firmitate»)[5] и в венецианском декрете 971 г. («Et haec promissionis carta perpetualiter in sua plenissima permaneat firmitate»)[6]. Слово «истина» употреблено в русском переводе в значении «сила, верность, твердость»: firmitas. В переводе Игорева договора 944 г. сказано: «на роту идуть хранити истину». Слова «хранити истину» означают тут «подтвердить нерушимость». Вероятно, в греческом тексте копийного сборника второй половины XI – начала XII в. для передачи понятия «истина» употреблялось слово «ἀλήθεια» (правда), хотя не исключена возможность того, что использовался и термин ἰσχύς (сила, твердость = firmitas).

В древнерусском языке слово «истина» имело еще одно специфическое значение: основной капитал (в отличие от процентов). Употребление слова «истина» в эпоху Святополка II, когда процветало ростовщичество, могло вызывать определенные ассоциации, особенно в связи с упоминанием «обещальной грамоты» (promissionis carta), которая по своей функции была подобна долговому обязательству, из-за чего при переводе ее на русский язык из нее было изъято требование платить золотом за нарушение договора.

Выражение «promissionis carta» служит ключом к пониманию смысла термина «пинехроса» («пинехруса»), который содержится в тексте договора 971 г. в летописях Софийской I и Новгородской IV, но отсутствует в Лаврентьевской, Ипатьевской и др. Составными частями выражения «promissionis carta» являются слова «promissio» (обещание, обязательство) и «carta» (грамота). В русском тексте им соответствует слова «пинехроса» (оборот 2) и «харатья» (оборот 3). Как части речи каждое из этих слов – имя существительное в единственном числе. Правда, они в разных падежах –

[5] «И пусть эта обещальная грамота остается [и дальше] в силе».

[6] «И пусть эта обещальная грамота постоянно остается в полной силе».

винительном и предложном. Как члены предложения те же слова суть дополнения: прямое («пинехросу») и косвенное с предлогом («на харатьи»). Каждое из двух дополнений управляется «своим» сказуемым в форме глагола в изъявительном наклонении, действительном залоге, первом лице, множественном числе аориста: 1) «сотворихом» и 2) «написахом». Таким образом, мы видим, что с грамматической точки зрения новгородско-софийская конструкция более правильна, чем лаврентьевская и ипатьевская, которые опускают прямое дополнение «пинехросу», сохраняя при этом управляющее им сказуемое «сотворихом». Оставленное без прямого дополнения, сказуемое «сотворихом» устремляет свое действие на косвенное дополнение, выраженное словами «на харатьи». Но слово «харатьи» стоит в предложном падеже и не принимает сказуемое «сотворихом» как «свое», поскольку то ориентируется на винительный падеж дополнения. Создается избыточное управление «харатьи» двумя сказуемыми, требующими разных падежей для одного и того же дополнения. «Сотворить пинехросу на харатию» мог только какой-нибудь мелкий хулиган, который, по словам П. В. Мартынова, «нагадил и ушел».

В греческом языке слова «пинехросу» нет и никогда не было. Тем не менее, как явствует из его смыслового тождества со словом «promissio», слово, из которого получилась «пинехроса», употреблялось в значении «обещание», «обязательство». Понимать «пинехросу» как «обещание» в русской историографии впервые предложил В. Н. Татищев, мнение которого фактически разделял И. И. Срезневский, но эта точка зрения перекрывалась фантазиями других авторов, начиная с Н. М. Карамзина[7]. Основная ошибка состояла в стремлении видеть в «пинехросе» не действие, а документ. Это было прямое попадание в ловушку Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, исключивших из перевода дополнение к слову «сотворихом».

Итак, какие же слова, действительно существующие в греческом языке, могли обозначать «обещание» или «обязательство»? В современном греческом языке «обещание» = ὑπόσχεση [хипóсхеси]. Почти так же это слово звучало в древнегреческом: ὑπόσχεσις [хюпóсхесис]. Слово «обязательство» в современном греческом – ὑποχρέωση [хипохрéоси]. В древнегреческом языке мы встречаем только прилагательное ὑπόχρεως [хюпóхреос], имевшее три значения: 1) обремененный долгами; 2) зависимый; 3) обязанный.

Наличие в слове «пинехроса» буквосочетания «хро» роднит его больше со словом ὑπόχρεως (обязанный), чем со словом ὑπόσχεση (обещание). Поэтому мы полагаем, что в греческом картулярии, откуда русские летописцы заимствовали текст договоров, употреблялось слово ὑποχρέωση (обязательство).

Спрашивается, почему в Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи слово «пинехроса» (или подобное ему по смыслу и написанию) не попало,

[7] Автор настоящей статьи в свое время также не избежал этого соблазна (см.: *Каштанов С. М.* Из истории. С. 23–24).

но появилось позже в новгородско-софийских летописях? С этим вопросом связан другой вопрос: какова была судьба копийного сборника греческих текстов, привезенного на Русь митрополитом Никифором в 1104 г.? Продолжал ли греческий картулярий использоваться после того, как был сделан первый вариант перевода в 1104–1113 гг.?

Думаем, что сборник сохранялся довольно долго и еще в XV в. мог привлекаться для корректировки перевода, вошедшего в Повесть временных лет. Если Повесть в редакциях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей воспроизводила вариант перевода, сделанного при Святополке и под его контролем, то новгородские летописцы стремились проверить и исправить этот текст по греческим копиям. Одна из таких попыток и привела к «открытию» слова «пинехроса». Что касается первого перевода договоров, то мы уже имели повод отметить его тенденциозность. Статья о штрафе золотом была там фальсифицирована до неузнаваемости ради того, чтобы убрать напоминание о необходимости каких-то выплат грекам в случае, если они сочтут договор Святослава нарушенным. Точно так же применение термина ὑποχρέωση, обозначавшего, в частности, долговое обязательство, вряд ли могло понравиться Святополку, преуспевшему в ростовщических операциях и знавшему опасность ὑποχρέωση для должника, каковым он не хотел быть.

Третий пункт корроборации, сообщающий о записи «пинехросы» (обязательства) «на харатьи сеи», показывает, что материалом для письма служил обычный пергамен («харатьей» называлась всякая пергаменная грамота). Двойственное представление о материале, возникающее при понимании «пинехросы» тоже как материала, наряду с «харатией», должно быть отставлено. Ὑποχρέωση или promissio, было устным действием,– acte juridique во французском смысле слова, клятвенным обещанием, процедурой, которая затем фиксировалась записью на пергамене, в результате чего создавался acte écrit, материальный остаток или, как теперь бы сказали, артефакт, чем «пинехроса» как раз и не являлась. В отличие от нее «харатия» – это уже не «promissio», а «carta promissionis».

Вопрос стоит о том, кто писал грамоту и какую роль играл синкель Феофил, «при» котором, как сообщается в заголовке акта, данное «свещанье» было «писано». Откуда, кстати, взял автор заголовка сведения об участии Феофила (равно как и Свенельда) в составлении акта? Ведь в основном тексте документа, идущем после заголовка, эти лица не фигурируют. Попробуем найти ответы на поставленные вопросы, продолжив сравнение договора Святослава с венецианскими и юстинопольскими документами.

Удостоверительная часть этих актов представляет интересную картину. Она состоит из большого числа подписей. Так, в венецианском декрете 971 г. мы насчитали 83 подписи, в декрете 960 г.– 70 подписей. В венецианских декретах подписи начинаются сразу после санкции, без какой-либо вступительной фразы.

Подписи располагались в столбец одна под другой. На первых местах

стояли подписи главных действующих лиц, вслед за ними, вероятно, в порядке известной иерархии, не всегда строго соблюдаемой, шли подписи других участников. В декрете 960 г. список начинался с подписи самого дожа («Ego Petrus dux»), на втором месте была подпись патриарха Градо, на третьем—пятом местах – имена епископов. В декрете 971 г., написанном в форме обращения подданных к дожу, первое место занимала подпись патриарха Градо, вслед за которым подписался один епископ. В подписях, помещенных далее, должности и звания обычно не указывались. Исключение составляют две последние подписи, принадлежащие – одна писцу, другая нотарию или канцлеру.

«Сводный текст» или «абстрактный формуляр» подписей предусматривает возможность присутствия в подписи пяти элементов: $Э_1$ – вводная часть; $Э_2$ – имя; $Э_3$ – степень родства с кем-либо, иногда с предыдущим подписантом; $Э_4$ – должность; $Э_5$ – образ действия. Элемент может состоять из одной или двух характеристик (Х), под которыми подразумеваются отдельные слова. По содержанию вводной части ($Э_1$) все подписи делятся на два типа. Один из них мы назовем «эгоцентричным», другой – «мануальным». $Э_1$ эгоцентричного типа представляет собой местоимение «ego» (я). $Э_1$ мануального типа – формула «signum manus» (знак руки). В декрете 971 г. к первому типу относятся 19 подписей, ко второму – 64. $Э_2$ (имя) в подписях первого типа стоит обычно в именительном падеже. Например: «Ego Dominicus Urseolo». В подписях второго типа Х1 (первое имя) дается в родительном падеже; $Х_2$ (второе имя) может стоять и в именительном, и в родительном падеже. Например: «Sign. manus Dominici Barboni» или «Signum manus Dominici Duonico».

$Э_3$ (степень родства) обычно встречается в подписях второго типа, поэтому все характеристики этого элемента принимают родительный падеж: «fratris eius»; «filii Petri Magistri». Как правило, справку о родстве дают младшие члены семьи, причем сыновья чаще, чем братья. $Э_4$ (должность) в большинстве подписей отсутствует. Она упоминается только при именах крупных сановников. Например: «Ego Vitalis Patriarcha»; «Ego Marinus episcopus». Под $Э_5$ (образ действия) подразумевается не только способ удостоверения акта (например, «manu mea subscripsi»), но и роль в постановке вопроса о создании данного документа. Она фиксировалась в особом придаточном предложении, относящемся к имени: «qui hoc fieri rogavit» (который предложил это сделать). Лицо, ходатайствовавшее о написании документа, выступало в роли челобитчика, молебника, амбасциатора.

Предпоследняя (82-я) подпись в декрете 971 г. принадлежала писцу документа: «Ego Joannes de Sancte Paulo manu mea scripsi» [Я, Иоанн из Сан-Паоло, своей рукой написал]. Последним на документе расписался нотарий: «Ego Marinus, diaconus et notarius, complevi et roboravi» [Я, Марино, дьякон и нотарий, совершил и утвердил].

В свете венециано-юстинопольской процедуры удостоверения международных актов представляется возможным по-новому расшифровать

4-й пункт корроборации грамоты Святослава и заодно понять, откуда автор картулярия, привезенного на Русь митрополитом Никифором, взял имена Свенельда и Феофила, отсутствующие в основном тексте документа.

В 4-м пункте корроборации способ удостоверения грамоты Святослава выражен глаголом изъявительного наклонения действительного залога, времени аориста, в 1-м лице множественного числа. Учитывая, что в интитуляции грамоты сам Святослав фигурирует в единственном числе («аз»), глагол «запечатахом» не может относиться к нему одному. Да и печати упоминаются во множественном числе («своими печатьми»). Речь, безусловно, идет о коллективе участников, которые приложили (или привесили?) к документу свои «печати».

В. Л. Янин и вслед за ним автор данного доклада полагали, что здесь имеются в виду вислые буллы[8]. Н. А. Соболева высказала сомнение в правильности такого предположения[9]. Думается, что в тексте картулярия под «печатями» подразумевались те σφραγίδες, которые в венециано-юстинопольских документах выступают под именем «signum manus». Большинство подписей на договоре Святослава принадлежало, скорее всего, ко 2-му, «мануальному» типу. Отсюда и выражение «своими печатьми запечатахом». Первым должен был «подписаться» сам Святослав, поскольку договор составлялся от его имени. Его «подпись» или «печать» (оттиск пальцев), вероятно, предварялась словами, написанными писцом: Σφραγὶς τῆς χειρὸς τοῦ Σφενδοσθλάβου αρχόντος Ῥωσίας . Далее шла «подпись» Свенельда, также предваряемая словами писца: Σφραγὶς τῆς χειρὸς τοῦ Σφεναίλδου.

Вероятность удостоверения документа главой государства по методу «signum manus» подтверждается тем, что таким способом была запечатлена подпись юстинопольского маркиза на пакте 933 г.: «Signum manus domino Uuinterio Marchioni, qui hoc fieri rogavit».

Можно не сомневаться в том, что «подписями» Святослава и Свенельда удостоверительная часть договора не ограничивалась. Однако сколько именно бояр и дружинников приложило свой «signum manus» к этому документу, мы никогда не узнаем. Следует заметить, что «подписание» договора сопровождалось клятвой тех, кто ставил свою подпись или «signum manus». Это явствует из того же юстинопольского пакта 933 г., где после подписей представителей центра приведены подписи делегатов от других городов Истрии, начиная с Полы (Пулы): «De civitate Pola juret».

В конце договора должны были стоять подписи писца и нотария. Имя писца копиист для нас не сохранил, но он упомянул человека, который исполнял роль нотария при составлении этого документа. Ему принадлежала заключительная фраза типа: «Ego Theophilos, sinquellus et notarius, complevi et roboravi».

[8] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 15; *Каштанов С. М.* Из истории. С. 53.

[9] *Соболева Н. А.* Русские печати. С. 91–92.

Договор Святослава дошел до нас практически без большой части имевшегося в оригинале текста, а именно без текста «подписей», которые послужили бы ценнейшим источником по истории Византии и Руси. На каком этапе произошло это отсечение «хвоста» документа? Судя по заголовку копийного сборника, в руках автора картулярия был весь текст договора. Решение не воспроизводить «подписи» мог принять уже этот копиист. Могли они исчезнуть и позже – при переводе сборника на русский язык. Я убежден, что договоры 911 и 944 тоже были удостоверены «подписями». Игнорирование их свидетельствует об одинаковом подходе копииста (греческого или русского?) ко всем документам картулярия митрополита Никифора.

Источники и литература

1. ПСРЛ = Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Лаврентьевская летопись; М., 1998. Т. 2. Ипатьевская летопись; М., 2000. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода; М., 1994. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского.
2. ПРП = Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1.
3. TAR = I trattati dell'antica Russia con l'impero Romano d'Orient. Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей. Da Roma alla terza Roma (Documenti-II). Roma; Mosca, 2010.
4. FRA = Fontes rerum Austriacarum. Oesterreichische Geschichts-Quellen. Wien, 1856. Abt. 2. Diplomataria et acta. Bd. 12. Teil 1 (Репринт: Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und Levant. Vom 9. bis zum Ausgang des 15. Jahrhunderts. Amsterdam. 1964. T. 1).
5. *Dölger F. und Karayannopulos I.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. 1. Abschnitt.
6. *Sorlin I.* Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (1ère et 2ème parties) // Cahiers du monde russe et soviétique. P., 1961. Vol. 2. № 3. P. 313–360; № 4. P. 447–475.
7. *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982.
8. *Malingoudi J.* Die Russisch-Byzantinischen Verträge des 10. Jhds aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994.
9. *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики // Византийский временник. М., 1996. Т. 56 (81). С. 68–91; М., 1997. Т. 57 (82). С. 58–87.
10. *Benveniste E.* Le terme obryza et la métallurgie de l'or // Revue de philologie de littérature et d'histoire ancienne. Paris, 1953. Troisième série. Année et tome 27 (79e de la Collection). Fascicule 2. P. 122–126.
11. *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X – XVI вв. М., 1996.
12. *Каштанов С. М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
13. *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991.
14. *Бибиков М. В.* Договоры Руси с греками X в.: тексты и ритуал // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016 г. Материалы конференции. М., 2016. С. 35–39.
15. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X – XV вв. М., 1970. Т. 1–2.
16. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати X – XV вв. М., 1998. Т. 3.